

И. Э. Магадеев

**«Дилемма безопасности» во внешней политике Франции
во второй половине 1920-х годов.**

«Дилемма безопасности» – понятие, характерное для реалистской парадигмы в теории международных отношений (далее – ТМО). Его смысл заключается в простой идее: чем большей безопасности добивается для себя одно государство, тем меньше её у другого¹. В классическом варианте причинами этой дилеммы являются: 1) состояние анархии, характеризующее международные отношения (далее – МО). Оно вызвано отсутствием единого легитимного источника власти и насилия, каким является суверенное государство в своих собственных границах. Это состояние приводит к постоянной угрозе войны, «в тени которой», по выражению французского исследователя Р. Арона, разворачиваются все МО; 2) специфика средств обеспечения безопасности – вооружений. Вооружаясь в поисках безопасности, государство А создает тем самым дополнительную угрозу для государства В, которое само вооружается в поисках безопасности. Это является угрозой для А, на что оно отвечает вооружением и т. д.²

Дальнейшие исследования в ТМО усложнили понимание «дилеммы безопасности». Они продемонстрировали, что обстоятельства, считающиеся условиями её существования, присутствуют далеко не всегда. Развитие различных каналов связи между государствами, экономическая взаимозависимость, увеличение роли международных организаций и уменьшение роли военной силы «смягчают» условия международной анархии³. Восприятие одним государством другого только как угрозы снижается благодаря закономерностям работы политических органов, ответственных за принятие решений⁴, а также развитию международного права⁵. Наконец при специфических условиях военно-технического развития (возможность чёткого разделения на средства защиты и нападения, преимущество оборонительной стратегии над наступательной) «дилеммы безопасности», по мнению известного неореалиста Р. Джервиса, не существует⁶.

¹ Цыганков П. А. Теория международных отношений. М., 2007. С. 111.

² Waltz K. N. Theory of International Politics. McGraw-Hill, 1979. P. 186.

³ Keohane R. O., Nye J. S. Complex of Interdependence and the Role of Force [1977] // Art R. J., Jervis R. (eds.) International Politics. Enduring Concepts and Contemporary Issues. 7th edition. Longman, 2005. P. 199–215.

⁴ Hollis M., Smith S. Explaining and Understanding International Relations. Oxford, 1991. P. 180.

⁵ Hoffmann S. The Uses and Limits of International Law [1973] // Art R. J., Jervis R. (eds.) International Politics. Enduring Concepts and Contemporary Issues. P. 114–119.

⁶ Jervis R. Offense, Defense, and the Security Dilemma [1978] // Art R. J., Jervis R. (eds.) Op. cit. P. 178–198.

Как любой теоретический концепт, понятие «дилеммы безопасности» редко полностью соответствует историческим реалиям того или иного периода. Оно подчёркивает одни элементы реальности, оставляя за скобками другие, оно строится путём упрощения¹. Сопоставление подобного концепта с конкретной исторической картиной является важным познавательным инструментом: с одной стороны, оно позволяет глубже понять значение конкретных фактов и вписать их в теоретический контекст истории и теории МО, с другой – оно может способствовать модификации и корректировке самой теоретической модели. В качестве подобной исторической картины взят период второй половины 1920-х гг., в котором нас, главным образом, интересует внешняя политика Франции.

Как в зарубежной², так и отечественной³ историографии есть значимые работы, посвященные данному периоду в целом и проблеме безопасности Франции в частности. В них достаточно детально разработана фактическая сторона вопроса европейской безопасности, рассматриваемого в основном через призму внешнеполитических курсов «великих держав» (Франция, Англия, Германия, СССР, США), представлены их различные подходы к проблеме безопасности, продемонстрирована связь точек зрения каждого государства с его специфическими интересами. Однако большинству исторических работ присуща та особенность, что проблема безопасности изучается в них как констелляция отдельных конкретно-исторических фактов, а не как относительно автономная система, имеющая свои закономерности развития, и которая может анализироваться не только с помощью индуктивного метода. А. Д. Богатуров отмечал, что «и в западной, и в отечественной литературе сохраняется зримый разрыв между теоретическими работами аналитиков-глобалистов и книгами историков-страноведов и регионоведов, которые словно бы и не считают нужным хоть как-то соотносить свои конкретные наблюдения, констатации и выводы с общими гипотезами и концепциями коллег-теоретиков»⁴. Данная статья представляет собой попытку синтезировать теоретическую модель «дилеммы безопасности» и изучение отдельно взятого исторического периода. В этом состоит первая причина её научной новизны. Вторая же причина заключается в привлечении новых источников, слабо либо вовсе не задействованных в отечественной историографии, – прежде всего французских военных источников 1920-х гг., а также материалов Национального архива Великобритании.

¹ *Waltz K. N. Theory of International Politics. P. 8.*

² Среди ключевых работ: *Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность. 1929–1939. М., 1976; Европа в международных отношениях. 1917–1939. М., 1979; Илюхина Р. М. Лига Наций 1919–1934. М., 1982; Европа между миром и войной 1918–1939. М., 1992; Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений 1918–1939. М., 2006.*

³ Среди ключевых работ: *Variety J. Les relations franco-allemandes après la première guerre mondiale. Paris, 1977; Becker J.-J., Berstein S. Victoire et frustrations (1914–1929). P., 1990; Boyce R. (ed.) France's Foreign and Defense Policy, 1918–1940. The decline and fall of a Great Power. L., 1998.*

⁴ *Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М., 1997. С. 13.*

Целью данной работы является выявление конкретно-исторических причин и факторов во внешней политике Франции второй половины 1920-х гг., которые способствовали либо, наоборот, препятствовали образованию «дилеммы безопасности» в Версальской системе МО. Для достижения указанной цели работы необходимо решить следующие задачи: 1) определить, существовали ли в изучаемый период в системе МО условия, считающиеся необходимыми для наличия «дилеммы безопасности»; 2) проанализировать конкретные формы, в которых существовала «дилемма безопасности» во второй половине 1920-х гг.; 3) выделить основное содержание франко-германских и англо-французских отношений в контексте вопроса о «дилемме безопасности».

Поворотным моментом в политике Франции в сфере обеспечения безопасности в 1920-е гг. стал период с 1923 по 1926 г. – от Рурского кризиса, представлявшего собой попытку наиболее радикального решения «германского вопроса» и проблемы безопасности, до вступления Германии в Лигу Наций и развития стратегии франко-германского сближения. С точки зрения эволюции Версальской системы эти годы стали ключевыми для её консолидации и осуществления перехода на этап относительно устойчивого развития, длившегося до Мирового экономического кризиса. После Локарнской конференции октября 1925 г. и вступления Германии в Лигу Наций в сентябре 1926 г. потенциальные возможности для применения вооруженной силы в Западной Европе были сокращены. Англо-итальянские гарантии демилитаризации Рейнской зоны – ключевого региона как для возможного немецкого наступления в западном направлении, так и французского – в восточном – в теории сделали франко-германскую войну маловероятной. Однако данная мера (в условиях непризнания Германией своей восточной границы) не способствовала серьёзному улучшению ситуацию на востоке Европы. Главным инструментом, сдерживающим Германию от применения силы в данном субрегионе, должна была стать статья 16 Устава Лиги Наций – санкции против государства, напавшего на члена Лиги. Однако данная мера не была подкреплена гарантиями, более конкретными по своему содержанию. К тому же ряд государств (в том числе Англия и Италия) рассматривали ревизию восточной границы Германии как вполне возможное явление. В итоге, как отмечал французский публицист А. Фабр-Люс, Локарнские соглашения определили правила для «наименее вероятного (как казалось в то время. – *М.И.*) случая войны... прямого столкновения между Францией и Германией», предоставив при этом польской территории к востоку от Германии «очень низкий коэффициент безопасности»¹. Тем самым можно констатировать, что на этапе консолидации Версальской системы перспектива применения вооружённой силы была снижена, но не исчезла.

Одной из ключевых причин подобного снижения стал тот факт, что Локарнские соглашения закрепили определённый, сложившийся на практике, статус-кво системы. Рурский кризис 1923 г., ставший ключевым этапом на пути к этому результату, продемонстрировал, какие «проекты» Версальского договора

¹ *Fabre-Luce A. Locarno sans rêves. P., 1927. P. 31, 127*

могут быть воплощены на практике, а какие останутся мёртвой буквой. Было «нащупано» состояние МО, в той или иной степени устраивающее большинство главных европейских «игроков», состояние, которое не надо было навязывать кому-либо с помощью вооружённой силы, что, впрочем, не исключало применение давления в других формах.

Во второй половине 1920-х гг. наряду с политическими налаживаются и экономические взаимоотношения государств, получают ограниченное развитие элементы взаимозависимости: в 1926 г. создаётся международный стальной картель («стальное Локарно» Германии, Франции, Бельгии, Люксембурга, Саара), франко-германский картель по поташу, Европейский таможенный союз. Франко-германский торговый договор 1927 г. («экономическое Локарно») открывает недолгий период развития планов по смягчению таможенных барьеров внутри Европы. Пиком этих усилий стал доклад экономического комитета Лиги Наций (март 1928 г.), который предлагал создание многосторонних торговых соглашений, открытых для всех государств и имеющих целью уменьшение торговых барьеров¹. Этим надеждам в условиях мирового экономического кризиса, начавшегося в конце 1920-х гг., не суждено было сбыться.

Развиваются во второй половине десятилетия различные каналы связи между государствами: Франко-германский комитет информации и документации – площадка для обмена информацией между представителями политических и экономических элит двух стран, многочисленные комитеты Совета Лиги Наций, Подготовительная комиссия к Всеобщей конференции по разоружению.

Одним из важнейших элементов стабилизации системы МО становится увеличение степени предсказуемости действий государств. Германия, даже несмотря на избрание президентом фельдмаршала П. Гинденбурга, – явление, взволновавшее европейскую общественность – рассматривается как адекватный партнёр. Немаловажно и то, что правительства Англии и Франции готовы идти на уступки в целях сохранения у власти германского правительства, согласного на диалог и сотрудничество в рамках сложившейся системы МО². Увеличению степени предсказуемости взаимных действий государств способствует и тот факт, что в сфере межгосударственных контактов и переговоров складывается стабильная «команда» министров иностранных дел – О. Чемберлен (министр в 1924–1929 гг.), А. Бриан (министр (с перерывом) в 1925–1932 гг.), Г. Штресман (министр в 1923–1929 гг.) – хорошо знающих друг друга и заинтересованных в том, чтобы каждый из них не лишился своих постов. С деятельностью именно этих людей связан процесс «разрядки» МО и его основные этапы – от Локарнской конференции до пакта Бриана-Келлога 1928 г. Немаловажно и то, что в целом вторая половина 1920-х гг. в Западной Европе – это время нахождения у власти умеренных политических сил, действующих в рамках разных, но всё же либеральных демократических режимов. Указанные факты способствуют лучшему взаимопониманию между представителями различных государств.

¹ Boyce R. Business as Usual. The Limits of French Economic Diplomacy, 1926–1933 // Boyce R. (ed.) France's Foreign and Defense Policy, 1918–1940. The decline and fall of a Great Power. P. 111.

² Никонова С. В. Очерк европейской политики Германии в 1924–1929 гг. М., 1977. С. 286.

В области вооружений рассматриваемый период характеризуется сокращением вооружённых сил и арсеналов в национальном масштабе и подготовкой международной конференции по разоружению. Медленно, но сокращается французская армия: с 625 тыс. (1926) до 550 тыс. (1930)¹, срок службы уменьшается до одного года (закон 1928 г.) Продолжается процесс «оптимизации» английских вооружённых сил, начатый еще в 1919 г. Одним из ключевых его элементов было сокращение финансирования и, соответственно, численности военнослужащих, в рамках так называемой Ten-Year Rule – правила о том, что в течение ближайших 10 лет Англия не будет воевать ни с одной великой державой. Предусматривалось, в частности, сокращение частей территориальной армии почти на 20 %: с общего количества в 208 батальонов (довоенная численность) до 168².

Ситуация в Германии была сложнее. В 1927–1928 гг. «в Германии разрабатывались проекты, предусматривающие постепенное доведение численности армии до 570 000 вместо предусмотренных военными постановлениями [Версальского] договора 100 000»³. Однако процесс реального перевооружения был ограниченным. Английские специалисты, оценивавшие военное состояние Германии в 1928 г., подчёркивали, что «в существующих условиях Германия не может ни развязать агрессивную войну, ни, вероятно, даже защитить себя от атаки державы первого ранга в течение времени, достаточного для проведения мобилизации. Решающим фактором является недостаток необходимых вооружений и оборудования, а не недостаток людской силы»⁴.

В рамках работы Подготовительной комиссии к Всеобщей конференции по разоружению между представителями различных государств разворачиваются дебаты по вопросу «наступательных» и «оборонительных видов» вооружений. Можно согласиться с Р. Джервисом, который считал, что отличительными признаками первых являются мобильность и возможности ударов по гражданскому населению⁵. Между военными экспертами шли споры по конкретным техническим деталям каждого типа вооружений, однако, в целом, обозначилось согласие по поводу того, что:

1) наступательными являются: а) танки. Один из главных французских экспертов по танкам в 1920-е гг., капитан Перре, в частности отмечал, что присутствие танков в вооружённых силах является наиболее характерным признаком наступательных намерений⁶; б) авиация. По своим мобильным

¹ *Corvisier A.* (dir.) *Histoire militaire de la France*. Vol. III. Paris, 1992. P. 337, 343, 354.

² *National Archives of Great Britain, Public Record Office* (далее – NAGB PRO), CAB/24/127, *Reduction in the Infantry of the Territorial Force*, 16th August, 1921.

³ *Berstein S., Milza P.* *Histoire de la France au XXe siècle*. T. 2. 1930–1945. Bruxelles, 1991. P. 213.

⁴ *NAGB PRO*. CAB/24/199. *The Military Situation in Germany*, December 1928.

⁵ *Jervis R.* *International Politics. Enduring Concepts and Contemporary Issues*. P. 185, 191.

⁶ *Perré* (Capitaine). *La protection des chars dans la bataille* // *Revue militaire française*. Décembre 1928. No. 90. P. 293.

качествам, возможностям внезапного удара, в том числе по объектам тыла, самолёт рассматривался как инструмент, наиболее приспособленный для нападения. Французский генерал Аллео писал, что «нельзя отрицать выдающуюся наступательную способность воздушных сил»¹;

2) оборонительными в целом можно считать: а) долговременные укрепления. Система долговременной фортификации немобильна², она не угрожает напрямую гражданскому населению противника; б) легкую артиллерию. Борьба за сокращение калибров артиллерии была одной из главных идей международного разоружения в том, что касается как морских вооружений, так и сухопутных. Однако этот консенсус был слишком общим, абстрактным по своему характеру. Углубляясь в вопрос о характере применения «наступательных» и «оборонительных» вооружений, мы увидим, что за внешней простотой подобного разграничения скрываются более сложные взаимосвязи.

В целом можно констатировать, что во второй половине 1920-х гг. система международных отношений и специфика военно-технических средств обеспечения безопасности характеризовались рядом признаков, которые потенциально могли помочь избежать «дилеммы безопасности». Каков «вклад» Франции в этот результат?

В течение второй половины 1920-х гг. обретает реальные черты один из главных военных проектов Франции межвоенного времени – система укреплений, которая с августа 1935 г. будет официально называться линией Мажино. Этот проект представляет собой, на первый взгляд, практически «идеальный тип» того, что можно назвать оборонительным вооружением, – немобильная, не угрожающая гражданскому населению фортификация. Не менее важно и то, что линия Мажино воспринимается в качестве орудия оборонительного характера как внутри Франции, так и некоторыми зарубежными экспертами. Английский историк М. Александер подчёркивал, что время, в которое разрабатывалась идея укреплений, было отмечено надеждами на франко-германское сближение и избежание войны в будущем. В это время парламент был согласен выделить деньги только на оборонительные проекты³. Характерно и то, что и английские военные воспринимают линию Мажино как средство обеспечения безопасности, имеющее оборонительную направленность. Несмотря на планируемое увеличение военного бюджета, связанное с кредитами на строительство укреплений, английский военный атташе Нидхэм докладывал в январе 1929 г., что французский бюджет не является милитаристским, единственная его цель – обеспечить Францию адекватными средствами обороны в случае агрессии в будущем⁴.

¹ Аллео (Генерал). Воздушная мощь и сухопутные вооружённые силы. М., 1936. С. 29.

² Один из главных признаков «оборонительного» оружия по Р. Джервису – Jervis R. *International Politics. Enduring Concepts and Contemporary Issues*. P. 189.

³ Alexander M. S. In *Defense of the Maginot Line. Security Policy, Domestic Politics and the economic depression in France* // Boyce R. (ed.) *France's Foreign and Defense Policy, 1918–1940*. P. 178.

⁴ *Ibid.* P. 179

Действительно, взятая сама по себе линия Мажино не представляла непосредственной угрозы ни одной державе. Однако её «оборонительная» сущность имела, как минимум, два изъяна. Первый из них был связан со спецификой концепции применения укреплений. Еще во время разработки и проектирования линии было выдвинуто две точки зрения по вопросу о том, какими должны быть будущие укрепления. Первая из них, поддерживаемая маршалом Петеном (с 1920 г. – главнокомандующий армией и вице-президент Высшего военного совета – одного из ключевых органов по принятию военных решений), состояла в идее создания непрерывных полевых укреплений, чем-то напоминающих траншеи Первой мировой¹. Вторая точка зрения, сторонниками которой были маршал Фош и генерал Гийомá – глава Комиссии по обороне границ, разрабатывающей схему строительства будущей линии Мажино, – заключалась в строительстве прерывистой линии долговременной фортификации, которая бы состояла из укрепленных районов и промежутков между ними, которые бы использовались для маневренных действий армии². Вторая точка зрения, в конце концов, победила. Таким образом, во второй половине 1920-х гг. линия Мажино не рассматривалась исключительно как оборонительное сооружение, она строилась в свете возможных активных (в том числе наступательных) действий французской армии.

Второй сложностью в оценке линии Мажино исключительно как «оборонительного» оружия была её роль «мультипликатора» общих военных ресурсов Франции³. Как писал маршал Петен, «долговременные укрепления сами по себе недостаточны, чтобы остановить противника, но они во много раз увеличивают силу сопротивления тех войск, которые умеют их применять»⁴. Иными словами, линия Мажино, даже несмотря на то, что она рассматривалась рядом экспертов как средство оборонительной направленности, создавала преимущества в общей системе обеспечения французской безопасности. Этот факт был отмечен политическими руководителями Англии. Так при обсуждении в мае 1930 г. проекта строительства туннеля под Ла-Маншем, его противники, опасавшиеся слишком тесных англо-французских связей, подчёркивали, что Франция, которая является наиболее могущественным государством в Европе в сфере сухопутных и военно-воздушных вооружений, при этом не довольствуется этим положением, а демонстрирует явное нежелание разоружаться своими «новыми затратами на оборону границ объемом 34 миллиона фунтов, из которых не менее 11 миллионов будут израсходованы в этом году»⁵.

Аналогичная функция «мультипликатора», которую выполняла линия Мажино, была отмечена и руководителями Германии. В условиях разоружения

¹ *Allcorn W.* The Maginot Line 1928–45. Osprey Publishing, 2003. P. 8.

² *Corvisier A.* (dir.) Histoire militaire de la France. P. 341.

³ *Alexander M.* In Defense of the Maginot Line. Security Policy, Domestic Politics and the economic depression in France // Boyce R. (ed.) France's Foreign and Defense Policy, 1918–1940. P. 170.

⁴ *Петен* (Маршал). Оборона Вердена. М., 1937. С. 85.

⁵ *NAGB PRO*, CAB/24/212, C.I.D. Paper No. 174-A, The Channel Tunnel, May 1930.

последней, укрепления, предоставляя дополнительные преимущества Франции, увеличивали разрыв в степени обеспечения безопасности между двумя государствами. В этой связи в 1930-е гг. министр иностранных дел Германии К. фон Нейрат отмечал, явно имея в виду свою собственную страну: когда государство, окружённое сильно вооружёнными соседями, имеет открытые границы, это обстоятельство является стимулом для других государств в проведении опасной политики ¹.

Таким образом, несмотря на то, что линия Мажино была так похожа на «идеальное» оборонительное оружие, она не могла ликвидировать вопроса «дилеммы безопасности» в отношениях Франции как с главным потенциальным противником – Германией, так и союзником – Англией. Можно выделить две главные причины этого факта. Во-первых, актуальна в данном случае мысль о взаимозависимости оборонительных и наступательных видов вооружений ². Как мы видели, они представляли собой единый комплекс, в рамках которого использование двух видов вооружений переплеталось для достижения единой цели – обеспечение национальной безопасности. Во-вторых, необходимо учитывать и роль линии Мажино в общем равновесии сил между государствами. Обеспечивает она оборонительное или наступательное преимущество для Франции, потенциальный противник воспринимает его, прежде всего, как преимущество. Так, защищённость Франции в условиях разоружения Германии, даже при условии оборонительной стратегии первой, поддерживала дисбаланс в обеспечении безопасности между двумя государствами.

Сохранялись при этом и традиционные сложности, связанные с восприятием другими государствами «наступательных» средств обеспечения безопасности Франции, прежде всего самолётов и подлодок. Так, Франция явно не собиралась сворачивать свои программы по строительству подлодок, волновавшие англичан с самого конца Первой мировой войны. Одним из ключевых обстоятельств, повышающих степень угрозоопасности французских подлодок в отношении Англии, был факт несовпадения концепций руководства двух стран в отношении целей применения данного вида вооружения. На протяжении всех 1920-х гг. английская точка зрения оставалась, по сути, неизменной: подводные лодки пригодны лишь для атак по торговым судам, в иных целях (оборона береговых побережий или военные действия в открытом море) они неэффективны ³. Французская точка зрения, получившая, в частности, выражение в морской программе 1922 г., по сути, была противоположной, подлодки могут использоваться для обороны побережий, а также действовать

¹ *Address by Baron Konstantin von Neurath before the 7th International Road Congress at Berlin, October 12, 1934* // Gantenbein J. W. (ed.) *Documentary Background of World War II. 1931 to 1941*. N. Y., 1948. P. 620.

² *Военная доктрина в третьем варианте* // Российская газета. 2009. № 5044. 20 нояб.

³ *NAGB PRO, CAB/24/132, Aide-Memoire of Statement Made by Mr. Lloyd George on behalf of the British Government to M. Briand, Cannes, January 4th, 1922.*

в сочетании с основными видами надводных кораблей¹. Проблема усугублялась и тем, что после Первой мировой войны Франция строила в основном подводные лодки так называемого «океанского типа», то есть с большим радиусом действия. Образцом последних стала спущенная на воду в 1929 г. подлодка «Сюркуф», остававшаяся крупнейшей в мире до Второй мировой войны².

В поисках решения по вопросу о морском разоружении во второй половине 1920-х гг. между Англией и Францией разворачиваются переговоры по определению того, как производить сокращение вооружений: исходя из общего тоннажа всех типов судов (позиция Франции) либо исходя из тоннажа для каждого отдельного класса (позиция Англии)³. Точка зрения Франции имела целью сохранить большую часть подлодок за счёт сокращения иных, менее важных для неё типов военно-морских судов.

Стоит отметить, что Франция в это время и сама испытывала опасения по поводу вооружений иных стран. В частности, волнение французских военных вызывало усиление итальянской воздушной мощи⁴. Ситуация усугублялась военной доктриной итальянского генерала Дуэ, исходившего из приоритета авиации по сравнению с остальными видами войск и предполагавшей осуществление активной бомбардировки ключевых центров противника в начале военных действий. Французские военные, среди которых доктрина Дуэ не получила широкого распространения⁵, рассматривали её как агрессивную и угрожающую по отношению к другим государствам.

Таким образом, «дилемма безопасности» в Западной Европе не исчезла во второй половине 1920-х гг., хотя острота проблемы была существенно ниже, чем в начале десятилетия. Подобное снижение стало возможным благодаря воплощению на практике статус-кво, относительно устраивающего основные державы Версальской системы, благодаря улучшению процесса коммуникации между государствами и стабилизации политической ситуации в Германии. Именно политические процессы определили снижение военных рисков.

Трансформация внешней политики Франции была важным звеном в сокращении условий для возникновения «дилеммы безопасности». В начале 1920-х гг. её действия по принуждению Германии к выплате репараций (в том числе оккупация Рура в 1923 г.), а фактически к отказу от роли великой

¹ *Lepotier* (l'Amiral). Cherbourg, port de la libération. URL : <http://www.marine-tourlaville.fr/fr/loisirs-activites/histoire-locale-et-patrimoine/dossiersenconsultation/fichiers/surcouf.pdf> (дата обращения 27.02.2010)

² *Бекзатова Б. Б.* Международные конференции по военно-морским вопросам и англо-американские отношения (1921–1930): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 253.

³ *NAGB PRO*, CAB/24/195, Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs on Disarmament, June 9, 1928.

⁴ *Guillen P.* Franco-Italian Relations in Flux, 1918–40 // *Boyce R.* (ed.) *France's Foreign and Defense Policy, 1918–1940*. P. 155.

⁵ *Vennesson P.* La fabrication de l'armée de l'air en France : innovation institutionnelle et compromis socio-technique // *Genèses*. 1994. Vol. 15. No. 1. P. 80.

державы, были одним из главных факторов «производства» «дилеммы безопасности». Во второй половине десятилетия ситуация меняется. Франко-германское сближение, переход Франции к оборонительной стратегии, сокращение её вооружений способствуют «разрядке» в МО. Однако «дилемма безопасности» при этом не исчезает. Даже такой, казалось бы, идеальный тип «оборонительного» вооружения, как линия Мажино, всё равно воспринимался Англией и Германией как средство увеличения безопасности Франции и как новая угроза для их собственной национальной безопасности.

Анализ внешней политики Франции второй половины 1920-х гг. через призму концепта «дилемма безопасности» продемонстрировал, что проблемы, с которыми сталкивалась Франция в своих отношениях с Германией и Англией, не являются характерными только для данного исторического периода, они вписываются в общие закономерности истории МО в XX в. Анализ данных закономерностей позволяет глубже понять проблему безопасности в конкретный исторический период, выделить в нём общее и особенное. Так, в отношении второй половины 1920-х гг. можно говорить о том, что наличие «дилеммы безопасности» во франко-германских и англо-французских отношениях относится к категории «общего», тогда как конкретные условия эволюции Версальской системы МО, специфика вооружений данного периода, характер политических элит западноевропейских государств относятся к категории «особенного».

Также можно констатировать, что изучение конкретно-исторических деталей существования «дилеммы безопасности» в 1920-е гг. продемонстрировало, что традиционное её понимание должно быть дополнено. В него следует включить проблему концепций, через призму которых одно государство рассматривает вооружения другого. Несовпадение подобных концепций может увеличить вероятность возникновения «дилеммы безопасности». Данный вывод ставит проблему *восприятия* комплекса вооружений как средства обеспечения национальной безопасности, проблему, разработка которой представляется более перспективной, чем анализ «оборонительных» или «наступательных» характеристик того или иного вида вооружения. В целом же, на наш взгляд, попытка синтеза теоретических моделей ТМО и анализа конкретно-исторических реалий, предпринятая в данной статье, является плодотворным путём исследования и может быть продолжена в будущем.